

УДК 81'374:808.1:821.161.1

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ В ПИСАТЕЛЬСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ И В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Н.Л.

ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва», Саранск, e-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Статья посвящена обзору новейших словарей языка русских поэтов XIX в., в частности представителей «пушкинской плеяды». Приводятся результаты некоторых системных исследований, рассматривающих в количественном, качественном и сравнительном аспектах лексику Д.В. Давыдова, П.А. Вяземского, А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова, А.И. Полежаева, Ф.И. Тютчева, А.В. Кольцова, Н.П. Огарева, М.Ю. Лермонтова. Сопоставление словарей Пушкина, Полежаева и Лермонтова, например, показывает стилистическую оригинальность Полежаева и преемственность с ним лингвопоэтики Лермонтова. Количественно-качественные характеристики лексиконов Языкова и Полежаева выявляют при их сравнении не только общие черты, но и существенные моменты расхождения в мировоззрении лирических героев этих поэтов. Наиболее богатым поэтическим словарем обладает из названных писателей Вяземский (более 14,5 тысяч лексем), наименьшим – Давыдов (3,5 тысяч лексем). Словари языка писателей активно осваиваются и в учебном вузовском процессе, являясь дополнительным инструментом филологического образования.

Ключевые слова: писательская лексикография, русская литература, историческая лингвопоэтика, поэтические лексиконы

NEW HORIZONS IN A WRITER'S LEXICOGRAPHY AND IN STUDY OF HISTORICAL LINGUISTIC POETICS OF THE RUSSIAN LITERATURE

Vasilyev N.L.

Ogarev Mordovia State University, Saransk, e-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

The paper is devoted to reviewing the latest language dictionaries of Russian writers of the XIXth century, in particular representatives of «the Pushkin Pleiad». It presents the results of some system researches, considering the lexicons of D.V. Davydov, P.A. Vjazemsky, A.S. Pushkin, A.A. Delvig, N.M. Jazykov, A.I. Polezhaev, F.I. Tjutchev, A.V. Koltsov, N.P. Ogarev, M.J. Lermontov in quantitative, qualitative and comparative aspects. A comparison of the vocabularies of Pushkin, Lermontov and Polezhaev, for example, shows the stylistic originality of Polezhaev and continuity with him of Lermontov's linguistic poetics. Quantitative and qualitative characteristics of the lexicons of Yazykov and Polezhaev identify by comparison not only common features but also significant points of divergence in the «world outlook» of lyrical heroes of these poets. The richest poetic dictionary from among these writers has Vyazemsky (more than 14,5 thousand tokens), the smallest – Davydov (3,5 thousand tokens). Dictionaries of writers language actively used in university educational process, as an additional instrument of philological education.

Keywords: a writer's lexicography, the Russian literature, historical linguistic poetics, poetic lexicons

В последние десятилетия в русистике наблюдается стремительное развитие писательской лексикографии [см., напр.: 5–6; 8–10]. Появляются обобщающие труды, посвященные этой теме; проводятся специализированные конференции такого рода и семинары (в том числе на базе Института русского языка РАН). В совокупности это создает условия для разноплановых, новых по методологии филологических – лингвистических, литературоведческих – исследований, активно осваиваемых и в образовательном пространстве.

Одной из актуальных задач писательской лексикографии является подготовка алфавитно-частотных словарей языка виднейших поэтов прошлого, в частности «пушкинской плеяды» [см. об этом, напр.: 7, с. 98–111, 144–151], что дало бы возможность системно сравнивать лексиконы,

с одной стороны, поэтов-современников, нередко единомышленников в идейно-эстетическом плане, с другой – поэтов разных эпох и далеких художественных систем. Кое-что в данном отношении уже сделано, но еще больше предстоит сделать, чтобы нынешние и будущие филологи имели надежную словарно-статистическую базу для изучения языка, стиля, поэтики классиков.

В статье ставится задача продемонстрировать результаты некоторых перспективных исследований, осуществленных на базе уже имеющихся писательских словарей.

Хорошо известный «Словарь языка Пушкина» (М., 1956–1961), заложивший основы авторской лексикографии, позволил системно проанализировать количественно-качественную структуру языка реформатора современной литературной речи: выявить, в частности, пропорцию

а) исконно русских (90%) и заимствованных (10%) элементов;

б) стилистически нейтральных (88%) и разговорных (6%), просторечных (2%), книжных (1,7%), высоких (2,3%) средств;

в) слов активного (92,4%) и пассивного состава (архаизмы – 5,6%, историзмы – 1%, окказионализмы – 1%);

г) славянизмов 2,6% и европеизмов (5,9%) [см. об этом, напр.: 7, с. 121–128].

Оказалось, что среди основных элементов языкового «синтеза», осуществленного писателем, весомое место занимают научные термины (5,4%); ярчайшие, знаковые контексты поэтической речи Пушкина основаны именно на эстетически новом использовании такого рода понятий, например: «...Не мог он ямба от хорея, / Как мы ни бились, отличить», «...И был глубокий эконо...», «...Все украсило кабинет / Философа в осьмнадцать лет» («Евгений Онегин», 1, VII, XXIII); «...Музыку я разъял как труп, / Поверил я алгеброй гармонию» («Моцарт и Сальери»); «...Я снова жизни полн – таков мой организм / (Извольте мне простить ненужный прозаизм)» («Осень») [подробнее см.: 1–2]. Отсюда закономерен вывод, что пушкинской речи, а следовательно и современному русскому литературному языку, свойственна тенденция не столько демократизации, сколько интеллектуализации, то есть активного вовлечения в общелитературное употребление научных, абстрактных понятий – в русле формирования так называемого «метафизического языка» [см. также: 4; 7, с. 152–162].

«Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова», опубликованный в «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981), дал возможность его составителям эскизно, главным образом статистически, сравнить лексиконы и лингвопоэтику двух величайших русских писателей, сделать обоснованные выводы о характере эволюции языковой палитры в лермонтовском творчестве, по сравнению с пушкинским периодом, о ее обусловленности новым этапом романтизма. Выявилось, что поэзия и проза Лермонтова стилистически однороднее пушкинской, у него меньше слов высокого и сниженного характера, или же они менее употребительны (объем художественных произведений писателей соотносительны: более 313 000 словоупотреблений у Пушкина и около 326 000 у Лермонтова). Если говорить конкретнее, то доля нейтральных элементов в языке Лермонтова – 91,5%, стилистически сниженных – 6,7% (из них просторечных, диалектных и фольклорных – 1,3%); книжно-высоких – 1,8%; в языке же Пушкина эта пропорция составляет, соответственно,

88%, 8% (из них просторечных, диалектных и фольклорных – 2%), 4% [см. об этом, в частности: 7, с. 222–224].

Сопоставление языка А.С. Пушкина, А.И. Полежаева, М.Ю. Лермонтова продемонстрировало диалектическую преемственность между этими писателями в словарно-стилевом аспекте, подтвердив ранее высказывавшиеся литературоведческие наблюдения над художественной «генетикой» лермонтовского творчества. Так, в поэзии Полежаева встречается более 1200 слов, которые Пушкин не употреблял вообще: *автомат, азарт, ароматический, атом, бальзам, безотчетно, безызвестный, бешимет, брэнность, вереница, внутренность, извилистый, звездный, казачка, кальян, металл, монумент, надзвездный, незабудка, необъятный, огневой, оптимист, основа, предопределение, протест, самозабвение, самоубийца, смертоносный, симпатия, фантом, фаталист, электричество, эпоха* и др.; зато многие из них охотно использовал и Лермонтов, в частности концептуально прибегнув в романе «Герой нашего времени» к таким «метафизическим» понятиям, как *фаталист, предопределение* (глава «Фаталист») [см. об этом: 3, с. 14–21, 25–38; 7, с. 225–228].

Сопоставительный статистический анализ языка поэтов XIX в. показывает, что общее в словниках, например, М.Ю. Лермонтова и А.И. Полежаева составляет 36,1%, а разница между ними, соответственно, 24,7 и 39,2% в пользу последнего; доля общего в лексиконах Полежаева и Ф.И. Тютчева, выпускников Московского университета, – 20,3%, а их индивидуальности расходятся в большей степени: 65,5 и 14,2%; общее в словарях Полежаева и Н.П. Огарева, тоже связанного с Пензенской губернией и Московским университетом, – 23%, свойственного только первому – 41,8%, присущего лишь второму – 35,2%; доля общего в словарях Полежаева и Н.М. Языкова, также формировавшегося в университетской (дерптской) среде, – 25,1%, причем свойственного одному – 46,4%, а другому – 28,5% (во всех случаях в качестве выборок рассматривались лексемы на буквы А и Я) [см., в частности: 7, с. 253–266].

Можно проследить и качественную разницу между лексиконами поэтов. Так, из 25 самых частотных знаменательных слов у Полежаева и Языкова, связанных друг с другом, в частности, эпикурейским отношением к жизни в студенческие годы, совпадают лексемы *бог, день, друг, душа, жизнь, знать, любовь, милый, небо, один, рука, сердце, слава*, т. е. 52%. Среди отличающихся по речевой активности словарных

компонентов их поэтики у первого выделяются концепты *видеть, всегда, дух, земля, идти, мочь, око, сказать, смерть, там, царь, чело, огонь*; у второго – *вино, дело, живой, здесь, любить, мечта, один, поэт, прекрасный, сила, сон, стих, теперь*. Следовательно, там, где у Языкова царят веселые (*вино, любить, стихи*), сиюминутные (*дело, здесь, теперь*), вдохновляющие (*живой, мечта, прекрасный, сила*) созвучия, у Полежаева, наоборот, господствуют рационально-аскетические (*дух, око, сказать, чело*), потусторонние (*там*) и отчасти демонические (*земля, огонь, смерть*) аккорды. Это вполне соответствует литературоведческим представлениям о творчестве поэтов и объективирует подобные выводы лингвистически [7, с. 258–259].

На уровне общезначимых имен собственных различие в поэтических словарях Полежаева и Огарева, казалось бы преимущественно соотносящихся между собой и по линии оппозиционности в отношении к николаевскому режиму, исключительно велико! Общими для обоих являются, например, онимы *Авраам, Англия, Африка* (4,2% единиц в сравниваемых словарных выборках). Только у Полежаева встречаются имена *Абадонна, Авденаго, Авелев, Авраамов, Аврора, Аглая, Агнеса, Ад (Аид), Адам, Адамов, Адель, Аджар, Аквилон, Акташ, Акташ-аул, Алгабра, Александр (Македонский), Александр (Александр I), Али Янинский, Алкоран, Алла (Аллах), Альпы, Амур (миф.), Амуров, Анакреон, Анахарсис Клоц (Ж.-Б.Клоотс), Андреева гора, Андреевская (станция), Андреевский аул, Анета, Аннибал (Ганнибал), Антихрист, Антоний, Антонин, Анциум, Анюта, Аполлон, Аполлонов, Аравия, Арак, Араксу, Аргун, Ариман, Архимед, Аттий, Аттий Тулла, Ахилл/Ахиллес, Ахмет-хан, Ахтикропалов, Аяков; Ямай (марка рома), Яуза, Яффа*, – что составляет в плане оригинальности писателя 71,8% от совокупной с младшим современником поэтической «ономастики». У Огарева, соответственно, это онимы *Авакум, Австрия, Александр (Александр II), Альбани/Альбано (г. в Италии), Альбион, Альфонс (Альфонс XII, король Испании), Америка, Андрей (орден Андрея Первозванного), Апеннины, Апостол (часть Нового Завета), Арапетов (И.А. Арапетов, член Комиссии по вопросу упразднения крепостного права), Арарат, Архангельск, Атлас (Атлант), Афины; Ялта, Яр* (24% по шкале поэтической индивидуальности) [7, с. 261–262]. Подобные расхождения в словарях и поэтике Полежаева и Огарева в меньшей мере предсказуемы и выявляются именно с помощью сравнительного словарно-статистического

анализа; но вполне закономерны, исходя из деталей биографии писателей, их окружения в зрелые годы, разницы в «хронотопах» их творчества и т. д.

Из имен собственных общекультурного плана наиболее частотными (с числом употреблений не менее 6 раз) в поэзии Полежаева являются *Рим, Москва, Кавказ, Зевес/Зевс, Чир-Юрт, Кориолан, Эрпели, Иван Великий* (колокольня в Москве), *Наполеон, Россия, Восток, Магомет, Помпей, Пушкин, Русь, Сократ, Троя*. У того же Огарева это, соответственно, *Фауст, Россия, Русь, Рим, Мефистофель, Москва, Гретхен, Италия, Христос, Сибирь, Нева, Париж, Рейн, Франция, Зевс, Пушкин*. И здесь мы видим, с одной стороны, знаковые совпадения ряда «концептуальных» онимов в творчестве поэтов (*Рим, Москва, Россия, Зевс, Пушкин*), с другой – важные расхождения между ними, проявляющиеся, вследствие биографических и творческих обстоятельств, в склонности Полежаева к ориентальной проблематике (*Кавказ, Чир-Юрт, Эрпели, Восток, Магомет*), а Огарева, наоборот, к западной (*Италия, Париж, Рейн, Франция*) [7, с. 263].

В количественном отношении преобладают поэтические лексиконы П.А. Вяземского (почти 15 тысяч лексем, не считая имен собственных, число которых превышает 1,5 тысячи онимов), А.С. Пушкина (около 13 тысяч словарных единиц), Н.П. Огарева (свыше 10 тысяч слов), М.Ю. Лермонтова (почти 10 тысяч слов), что, с одной стороны, свидетельствует о языковом богатстве указанных писателей, многообразии их художественной палитры, с другой – об относительной квантитативной зависимости писательских словников от объема литературного наследия и продолжительности творческой активности авторов, поскольку со временем в язык входят новые понятия, эстетически преломляемые в художественном дискурсе. Так, активный литературный период жизни Вяземского (1792–1878) составляет 7 десятилетий, что выразилось в безусловном богатстве его лексикона, включающего не только историзмы и архаизмы XVIII в., но и неологизмы послепушкинской эпохи, второй половины XIX в. (*археограф, археография, захлороформить, коммунизм, коммунист, некролог, прогрессист, фельетон, хинин, шале* и др.). С другой стороны, поэтический словарь Лермонтова, прожившего неполных 27 лет, существенно превосходит, например, словники Д.В. Давыдова (около 3,5 тысяч слов), А.В. Кольцова (около 4 тысяч слов), А.А. Дельвига (около

5 тысяч слов), Ф.И. Тютчева (около 6 тысяч слов), Е.А. Баратынского (почти 7 тысяч слов), отчасти лексические «арсеналы» А.И. Полежаева (более 8 тысяч слов), Н.М. Языкова (почти 8,5 тысяч слов).

Будущее филологии как *точной*, а в отдельных проявлениях и *количественной* науки, в частности достоверность лингвистических и литературоведческих суждений о поэтике русских писателей, во многом будет зависеть от того, насколько быстро и эффективно продолжит свое развитие писательская лексикография, постепенно накапливающая важный эмпирический материал для разнообразных исследований в сфере теоретической и прикладной русистики. Немалое значение это имеет и для высшей школы, опирающейся в образовательных технологиях на новейшие достижения науки и, в свою очередь, стимулирующей и подпитывающей научный прогресс.

Список литературы

1. Васильев Н.Л. Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горьковский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Горький, 1981. – 27 с.
2. Васильев Н.Л. Научная лексика в языке А.С. Пушкина: учеб. пособие. – Саранск: тип. Мордов. ун-та, 1989. – 92 с.
3. Васильев Н.Л. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, методические рекомендации и материалы к спецкурсу. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995.
4. Васильев Н.Л. «...Метафизического языка у нас вовсе не существует»: (Из истории русского литературного языка) // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 76–79.
5. Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. – 88 с.
6. Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 124 с.
7. Васильев Н.Л. Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. – М.: Ленанд, 2015. – 368 с.
8. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь языка А.А. Дельвига. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 148 с.
9. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь Н.М. Языкова. – М.: Флинта; Наука, 2013. – 120 с.
10. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). – М.: Флинта; Наука, 2015. – 424 с.